

Андрей Васильев

ГРАНИ СУМЕРЕК

RUGRAM

УДК 82-312.9
ББК 84.4
В19

Васильев А.

В19 А.Смолин, ведьмак. Книга 8. Грани сумерек/ А. Васильев, – М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. – 406 с. – (А.Смолин, ведьмак).

ISBN 978-5-521-90265-1

Обычно возвращение домой после долгих странствий на чужбине приносит радость и душевный покой, а также сулит спокойный и славный отдых. Но то у нормальных людей, к Александру Смолину подобное не относится. Он ведьмак, потому на легкую жизнь рассчитывать не приходится, тем более что многие из тех, кто сделал его частью своих далеко идущих планов, являются особами непростыми и влиятельными. Впрочем, это не означает, что Смолин примет правила чужой игры и станет делать то, что ему скажут. А это значит одно – впереди его ждут веселые и очень жаркие во всех отношениях летние деньки.

BIC FM
BISAC FIC009000

ISBN 978-5-521-90265-1

© Андрей Васильев, текст, 2022
© Софья Потоцкая, обложка, 2022
© ИДДК
© RUGRAM, оформление, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Все персонажи данной книги выдуманы автором.

Все совпадения с реальными лицами, местами, банками, телепроектами и любыми происходившими ранее или происходящими в настоящее время событиями не более чем случайность. Ну а если нечто подобное случится в ближайшем будущем, то автор данной книги тоже будет ни при чем.

Глава первая

— Алконоста ни разу не видал. И Сирина тоже, врать не стану. А вот с Гамаюном как-то беседу вел, да. — Карпыч посолил кусочек черного хлеба и аппетитно начал его поедать. — Она в моей реке, понимаешь, решила крыла свои сполоснуть. Устала, видать, вот и остановилась на дневку.

— Она? — изумился я. — А я думал, что Гамаюн — он!

— Нет, точно она, — заверил меня водяник. — Потому как стервь редкая. Я-то думал, вещая птица, власть над судьбами имеет, самого Рода помнит. Шутка ли! И что? Да большинство моих русалок по сравнению с ней девицы невинные. Ну, кроме Лариски, само собой. Все этой пернатой не так, все ей не эдак. И почтения, видите ли, не оказали достойного, и вода в речке мутновата, и камыш шумит слишком громко. Тьфу!

Мой собеседник взял печеную, но уже остывшую картофелину, разломил, сдобрил ее солью и отправил одну из половин в рот. Горячую еду, только из костра, водяник по ряду причин есть не мог, потому всегда ждал, когда та достигнет, скажем так, комнатной температуры.

Но при этом против того, что я всякий раз, еще со времен нашего первого знакомства, на берегу раскладываю костерок, ничего не имел. Может, Карпычу нравилось то, что жаркое пламя не может причинить ему никакого вреда и в результате будет потушено водой именно из его реки, может, еще чего — не знаю.

— А что у тебя за интерес к этой троице? — уточнил водяник, прикончив картофелину. — Нездоровый, я бы сказал.

— Почему так?

— Вещие птицы не лучшие собеседники, в первую очередь оттого, что им на кого-либо другого, кроме себя самих, плюнуть и растереть. Они не добрые и не злые, они равнодушные. А когда тому, с кем ты общаешься, едино, что да как, добра не жди. Вот враг — с ним все понятно, он тебя ненавидит и хочет убить. Стало быть,

сделай все, чтобы он умер первым. Вот друг — с ним тоже ясность присутствует. Иногда, конечно, случается такое, что друг врагом становится, а враг другом, но и это — жизнь. А Сирин, Гамаюн да Алконост — они не живые и не мертвые. Они... Слово-то не подберешь.

— Никакие? — предложил я.

— Во-во, — закивал водяник. — Никакие они. Нет в них чувств. Хотя, конечно, иные умельцы какой-никакой прок от них получали, слышал я про это. Проклятия снимали, удачу подманивали, а один ухарь даже умудрился нить своей жизни поменять.

— Чего поменять? — уточнил я.

— Вещие птицы, все трое, раньше, в старые времена, обитали при доме Макоши, — пояснил мне водяник. — Том, что в Праве стоял, у подножия великого дуба, коего еще сам Род посадил. Они, стало быть, песни пели, а Макошь сидела у окна да знай пряла свою пряжу, и каждая ниточка в ней — судьба людская. Какая покрепче, какая потоньше. Ну а как порвется ниточка, так и все, понесли человека на погост. Вот один удалец и умудрился при помощи Алконоста свою нить на чужую подменить, ту, которая потолще да подлиннее. Ловок был, видать, подлец, да смекалист. Нет, все одно помер, конечно, но годков от чужого прядева отхватить смог немало. Ну, если, конечно, сам себе после не подгадил, глупостей не наделал. Нить нитью, но все от человека зависит. Жизнь и судьба — это разные вещи.

— А что потом с Макошью стало? — заинтересовался я.

— Откуда же мне знать? — хитро глянул на меня Карпыч. — Мне путь что в Правь, что в Навь заказан.

Мой дом — река, я от нее никуда. Если чего и знаю, так исключительно то, что ветер да вода расскажут. Но, думаю, отправилась Макошь в те же неведомые края, куда и все остальные ушли. Или вовсе померла. Боги — они, конечно, не люди, но тоже, поди, мрут? За каждым из нас раньше или позже придет незваная гостья.

— Лучше бы позже, — заметил я.

— Так говорю же, ведьмак, все от нас самих зависит. Поступай по уму да по совести, думай, прежде чем чего-то сделать, и тогда судьба, глядишь, тебе воздаст за то награду. А коли нет — так и не жалуйся. Вон видишь, Лариска довольная какая нынче? Аж светится вся, как та Луна.

Это да, вредная русалка, которая не так давно чуть Вику не утопила, нынче была весела невероятно. Она брызгалась водой в подружек, крутившихся в воде рядом с ней, заливисто смеялась и даже вроде как похорошела.

— Вижу, — подтвердил я. — И с чего это у нее такое настроение хорошее?

— Так жизнь людскую она нынче взяла, — пояснил мне Карпыч. — Часа два назад, аккурат после того, как солнце село, дурачка молодого на дно утащила.

— О как, — я глянул на резвящуюся неподалеку речную деву.

— Так ее время — ее право, — пояснил водяник. — Русальные недели, парень, никто не отменял. Даже если вы, люди, про них забыли.

— Незнание закона не освобождает от ответственности, — пробормотал я.

— Да если бы незнание, — поморщился старичок.

— Не поверишь, года не было, чтобы какой-нибудь остолоп или, того хуже, дуреха не полез ночью в реку со словами «Сказки это все». И нынешний такой же. Сидел он в компании таких же олухов, кто-то вслух и скажи, что на этой неделе купаться никак нельзя, и не потому, что вода холодная, а так как, по народным преданиям, русалка за ногу может на дно утащить. Этот сразу подхватился и давай орать, что все это ерунда, а после портки скинул и в воду полез. Даже не перекрестился. Толку от того не было бы, но все же... Само собой, Лариска такого шанса не упустила, она у меня хваткая. Ей и в обычное время человека загубить в радость, а уж во вторую-то русальную неделю! Квартирует теперь этот обалдуй на дне, травой оплетенный и песком присыпанный. И еще три дня лежать будет, до самого, значит, конца Русалий.

— А потом?

— Потом отпущу, на что он мне сдался? С такого утопленника проку нет, не я его прибрал, а девки мои, то серьезная разница. А главное что? Летняя жертва реке моей принесена, вода этот год в ней будет чистая, рыбе переводу не предвидится. А парня пусть найдут, родне отдадут да похоронят, как у людей водится. Мы тоже понимание имеем о том, что хорошо, а что нет.

Ну, насчет чистой воды и множества рыбы Карпыч явно погорячился. Старыми категориями мыслит мой мокрый приятель, не берет в расчет реалии сегодняшнего дня. С полей удобрения в реку смоят или завод какой в верховьях поставят — и ни один ритуальный утопленник не поможет.

— Вот еще бы кто петуха черного мне поднес, свер-

нул ему шею да в реку бросил с нужными словами, — многозначительно глянул на меня водяник. — Тогда бы и вовсе все честь по чести сладилось.

— В принципе, можно, конечно. — Я подмигнул молоденькой русалке, которая подобралась почти к самому берегу. Если не ошибаюсь, звали ее Стеша. — Вот только где мне еще этого черного петуха отыскать? Соседки мои кур не держат, а вокруг в основном дачные поселки. Там у людей не то что живности, но и огородов особо не сыщешь. Куда ни глянь, одни альпийские горки и барбекю.

— А ты поищи, — вкрадчиво попросил Карпыч. — За мной не пропадет, обещаю.

— Забыли все давно про дары реке, — подала голос Стеша и принялась расчесывать волосы синим гребнем, который я ей же и подарил. — Толку-то — бросай того петуха в воду, не бросай.

— Тебя не спрашивали! — рявкнул на нее водяник. — Цыц! А то отправлю сейчас народившихся щурят считать, сколько их в моей речке ни есть.

— Ой, да сколько там их! — фыркнула русалка. — Вы об тот год, батюшка, Сомычу, что под Рузой обитает, почти всю свою щуку проиграли в зернь. Или забыли? Мы еще с Галинкой по осени ему ее перегоняли по рекам. Помню, в одной, совсем мелкой, я себе все пузико о камушки расцарапала!

— Верно, было, — тяжело вздохнул Карпыч. — Сначала-то игра хорошо шла, я у него всю молодь карпов выиграл и еще кое-что по мелочам. А потом как отрезало! И приобретенное потерял, и своего еще